
 РЕЦЕНЗИИ

**Виталий Шабанов, Владимир Шемшученко. Мы родом из Грушинского.
Книга стихотворений. — СПб.: Всерусский собор, 2015. — 288 с.**

Песенный Грушинский фестиваль (Всероссийский фестиваль авторской песни имени Валерия Грушина) имеет длинную историю. Исполнители и любители авторской песни ежегодно собираются под Самарой с 1968 года, численность участников и гостей в настоящее время составляет уже сотни тысяч. Виталий Шабанов и Владимир Шемшученко, стоявшие у истоков этого движения, ныне — состоявшиеся поэты, творчество которых выходит за рамки авторской песни. В. Шабанов, по его собственной характеристике — «по образу мысли я русский поэт», представлен в сборнике короткими, емкими, подчас резкими четверостишиями, отражающими его отношение к жизни: «Я себя не жалел никогда, в смысле драк, // Но к врагам и к друзьям был обычно лоялен, // Потому что всегда точно знал — сам дурак!.. // А любой из друзей и врагов уникален!» Его отношение к стране и тому, что в ней происходило и происходит: «Разрушена великая страна... // В героях ходят те, кто сделал это... // Они еще не знают, что она // Не оставляет подлость без ответа...» Отношение поэта к человеку: «Неконструктивна линия моя — // Прийти по ней мне не удастся к славе: // Всех и за все прощаю всеу я, // Кроме измены делу и державе». Для В. Шабанова, чья стихотворная подборка названа «Мне хотелось быть только собой», наступило время некоего подведения итогов, осознания, что в жизни «вторых попыток // Не бывает и не может быть!», отсюда — категоричность оценок. Характеризуя во вступительной статье творчество Владимира Шемшученко, Евгений Чепурных отмечает своеобразие этого поэта: раздумчивую, неторопливую, несуетную лиричность. И то же напряжение строки, остроту мысли, концентрацию образа и порой, всего в двух-трех строчках, щемящее чувство любви к родной земле, — особенности, характерные для таких поэтов XX века, как Николай Рубцов, Алексей Прасолов, Юрий Кузнецов. «Капельки васильков, // Искорки иванчая»; «В тени раakit купало лето // Кувшинки желтые в пруду»; «Здесь солнце на сосновых лапах // Качается, как в гамаке. // Здесь можжевельниковый запах // Живет в болтливом ручейке»; «Он (ветер) несет на руках кареглазую осень // И листву превращает в ковер-самолет», — В. Шемшученко свежо и остро чувствует дарованную нам красоту природы, по его мнению, без этого чувства нельзя называться поэтом. Для него близкой и родной является природа не только средней полосы России, но и края, где он родился и вырос: горечь полыни во рту, дурманящий запах ямшана, щемящий синеватый дымок кизяка, и мест, где ему приходилось жить и работать. У В. Шемшученко сложная судьба: он родился в Казахстане, в городе Караганде, работал в Заполярье, на Украине и в Казахстане, после развала СССР вынужден был переехать в Петербург. «Не то чтобы нас пригласили — // Скорее наоборот. // Но мы приезжаем в Россию // Из всех суверенных широт. // Нам стало вдали одиноко // И сделалась участь горька. // И с Запада, и с Востока // Течет человечья река. // Над мыслями нашими властвуй. // Пришли мы к тебе налегке...// Как сладко сказать тебе: «Здравствуй!» — // На русском своем языке». В. Шемшученко

сумел отобразить в своей лирике трагедию великого перелома — крушения большой единой страны. «Снятся мне по ночам человекособаки, // Что меня убивали у всех на глазах. // Снятся мне по ночам иссык-кульские маки, // Прибалхашские степи да старый казах, // Тот, который не выдал толпе иноверца // И не смог на прощание вздоха сдержать...» И уже на новой малой родине увидеть очередной поворот межнациональных отношений: «И среднеазиатскому меньшинству // Дозволено на улицах кричать, // И „русскому невиданному свинству“ // Своих детишек в школах обучать. // А говорили — мы баранов съели, // И зверски распахали целину, // И с кровью кровь мешали, как хотели, // И (вай улляй!) ломились в чайхану. // Все так: как говорится, жили-были, // Варили в чугунке тупой топор...// А мы ведь их действительно любили, // И, как ни странно, любим до сих пор». Осознанно или нет, но В. Шемшученко демонстрирует в своих стихах лучшие качества русского народа: умение понять и простить, отделить значимое от временного и наносного. Так, не принимая происходящего на Украине, он не пылает ненавистью, а жалеет саму Украину, ее сыновей и дочерей. В. Шемшученко — поэт с высоко развитым чувством историзма, для него близки трагедии Карлага, раскулаченного деда и прошедшего фашистский концлагерь отца. Он остро воспринимает развал и унижение страны, ограбление народа. И в нем жива вера, что «империя не может умереть», так же как не умирает душа. У тонкого лирика и поэта высокого гражданского накала есть надежная база: чувство Родины, вера в Бога, любовь к семье, к женщине, жене, без поддержки которой «и стихи по земле разбредутся». И еще — любовь и уважение к золотому русскому слову. Самодостаточность поэта проявляется в независимости и четкости суждений, ясности превращенной в слово мысли, в истинно мужской твердости позиций при отсутствии агрессивности и надрыва. В одном из интервью, В. Шемшученко высказался так: «И еще — поэт не имеет права быть жестоким. Его стихи должны делать жизнь человеческую хоть чуть-чуть лучше. Но зачастую бывает с точностью до наоборот: прочитаешь поэта, и повеситься хочется. А этого быть не должно. Поэт должен демонстрировать волю к жизни, а не волю к смерти». Стихи В. Шемшученко и проникнуты волей и любовью к жизни.

Чайка — Seagull. Литературно-художественный альманах. Проза. Стихи.

Статьи. Эссе. Интервью // Редактор-составитель Ирина Чайковская. 2015, № 2.

Родина литературно-художественного альманаха «Чайка — Seagull» — США, Большой Вашингтон. Прародитель — журнал «Чайка», издававшийся там же с 2001 года на русском языке. История американского русскоязычного литературного альманаха «Чайка» как продолжение глобального культурного проекта только начинается. Во втором его номере собраны, по мнению составителя, писателя и критика Ирины Чайковской, лучшие материалы, опубликованные в интернет-журнале «ЧАЙКА» за вторую половину 2015 года. Авторы публикаций живут в разных странах, но говорят и пишут по-русски. В настоящем издании представлены 44 автора: из России и Америки, Италии и Англии, Франции и Германии, Израиля, Нидерландов, бывших советских республик Украины и Казахстана. Культурный проект обязывает. И на страницах журнала целая россыпь жемчужин, каждая из которых — драгоценная составляющая русской культуры. Это и очерк И. Чайковской «Юрий Три-

фонов. Ответ личной драмы», речь в котором идет о повести Трифонова «Долгое прощание» и ее автобиографической основе, о фильме С. Урсуляка по этой повести. И беседа И. Чайковской с Ольгой Трифоновой-Тангян, дочерью Ю. Трифонова, где О. Трифонова-Тангян подробно рассказывает о личной жизни отца, о семейных конфликтах, о своей матери, дочери известного художника А. Нюренберга, и о своих дедушках и бабушках. И в продолжение темы — дневники художника Амшея Нюренберга, записи 1934—1940-х годов с предисловием его внучки. В. Маяковскому и его возлюбленным посвящено документальное расследование Самуила Кура «Владимир Маяковский. Муза и маузер», где отнюдь не светлым ангелом-хранителем поэта предстает Лиля Брик. И снова продолжение темы: эссе А. Валюженича «Где покоится прах Лили Брик». О последних днях М. Цветаевой повествует Ю. Зыслин, он в своей работе базируется на архивных материалах Вашингтонского музея русской поэзии, и в частности — на воспоминаниях хозяйки дома, последнего прибежища Цветаевой. О святой наших дней матери Марии, Елизавете Кузьминой-Караваевой пишет К. Кривошеина; о русских купцах-меценатах, двух Саввах, Морозове и Мамонтове — Л. Александер-Гарретт. Значимый биографический очерк И. Чайковской посвящен Науму Коржавину, одному из юбиляров, которых альманах поздравляет. Об одном из когда-то самых читаемых — и самых плодовитых — российских писателей Федоре Эмине (1735—1770) рассказывает Л. Бердников: плодом бурной фантазии Ф. Эмина стала сама его жизнь, существуют, по крайней мере, четыре варианта его биографии, и все экзотические. Художники Роберт Фальк и Казимир Малевич, не покорившийся Голливуду актер Михаил Чехов, ГОСЕТ Михоэлс и предвоенный его спектакль «Испанцы» по драме Лермонтова... Малоизвестные факты, неожиданные интерпретации и — главное — удивительная, лишенная всякой казенности интонация. Так открыто и откровенно говорят, рассказывают, беседуют только в кругу очень близких по духу людей. Та же интонация отличает и воспоминания живущего в Париже писателя и переводчика Никиты Кривошеина в публикуемых отрывках из книги «Дважды француз Советского Союза» (Нижний Новгород, 2014). Эта семейная история легла в основу фильма Р. Варнье «Восток—Запад», описана Солженицыным в «Красном колесе». Детство Н. Кривошеина (р. 1934) прошло в Париже, сначала мирном и благополучном, затем оккупированном немцами. Отец, герой Сопротивления, выжил в Бухенвальде, в 1947 году по зову сердца вместе с семьей выехал в СССР, где в 1949 году его арестовали, а в 1957-м арестован был и сам Никита. В представленном отрывке рассказывается, как в 1952 году молодой человек со сложной анкетой (место рождения — Булонь; родители — из дворян; проживал за границей, имеет там родственников; близкие родственники сражались в белых армиях, были на оккупированных территориях, состояли под судом и следствием) поступал в московский вуз. Наталья Роскина в повести «Оборотни» с юмором рассказывает о Москве конца 1960-х годов, о своих мытарствах из-за долларов, полученных в подарок от приехавшего в Москву дяди, американского профессора. А художественная проза? В ней поднимаются вечные вопросы, волнующие людей вне зависимости от места проживания: любовь, смерть, преодоление болезней, оттенки чувств, отношения мужчины и женщины. Конечно, есть и эмигрантские зарисовки, и американские мотивы. А еще то, что нечасто встречается на страницах серьезных журналов и альманахов — «Детский альбом», где собраны произведения детей и для детей. И все-таки, как представляется, основным направлением альманаха является именно культуртрегерская миссия, нацеленная на распространение и сохранение русской культуры.

Саша Кругосветов. Птицы. М.: Интернациональный Союз писателей, 2015. — 187 с. — (Премия имени Владимира Гиляровского представляет публициста).

Писатель Саша Кругосветов более известен как автор популярной серии книг для детей и юношества о приключениях капитана Александра. Но за псевдонимом «Саша Кругосветов» скрывается крупный ученый, автор свыше сотни научных работ в области математики и электроники, чьи научные разработки — а их немало, 27 — внедрены в практику. Неудивительно, что в определенный момент писателю стало тесно в избранном им жанре, и он обратился к публицистике. В этой книге две части: «Время» и «Птицы». Время — это и обращение к прошлому, драгоценные свидетельства современника. Невский проспект в 60-е годы XX века и его обитатели — калейдоскоп красок, людей, настроений, невольно вызывающий ассоциации с гоголевским Невским проспектом. И модное место отдыха молодежи 70-х годов прошлого века Планерское, оно же Коктебель, где витала заразительная идея создания мускульного махолета, затронувшая и автора. Время — это и пригородный поселок Комарово 90-х годов с его уникальной аурой и великими обитателями, довольствующимися простенькими, дощатыми домами с допотопными отопительными котлами и находящими отраду в общении и удивительной природе. Рай на земле. А еще время — это 80-е годы XX века, то ли штиль, то ли затишье перед бурей. «Молодость, иллюзии, чудесные заблуждения» и искрометные шутки академической молодежи, еще верящей в перспективы своей страны, своей науки, своего будущего. Время всеобщего дефицита, когда все и вся приходилось «доставать». Но было и другое: «кроме неудобств советской империи, мы в полной мере использовали ее плюсы. Путешествовали за гроши. Тыкали пальцем в карту, садились на раздолбанный провинциальный автобус и ехали в какой-нибудь глухой поселок в горах Узбекистана, например. Приезжали, нас окружали красивые, загорелые, чумазые дети. Откуда вы, откуда вы? — кричали они и тянули к себе домой. Там нас встречали взрослые. Угощали чаем и сладостями. Полная свобода. Полная безопасность. Сейчас об этом можно только мечтать». В конце 80-х эта жизнь рухнула. Но для Кругосветова-ученого время — абстрактное понятие, придуманное человеком для сомнительного удобства отслеживания периодичности событий, и оно, по его убеждению, отнюдь не линейно. «Мы — властители времени, и сего дня, и прошлого, и будущего», — уверен он, а «управлять временем нам мешает слишком умный, слишком активный, слишком самоуверенный мозг. Поэтому лучше всего мы управляем временем во сне, когда мозг спит и не мешает нашему „я“ свободно плыть в реке времени» («Читая Борхеса»). У Кругосветова как ученого особый взгляд на «Естественно-научные парадоксы и нонсенсы в книгах Льюиса Кэрролла и Умберто Эко»: в серьезной филологической статье дается подробный разбор парадоксов и нонсенов, оксюморонов и каламбуров, других понятий абсурда в чистой и прикладной логике, иллюстрированный цитатами из Кэрролла. У Кругосветова свой ответ и на вопрос, что же нового в книгах скромного священнослужителя, где тот давал отдых своему рассудку, своему здравому смыслу, где воспевал его величество «нонсенс» ради нонсенса, парадокс ради парадокса: «Как математик он понимал, что могут существовать системы, в которых „плюс“ становится „минусом“». И признавая иррациональность в математике, логике и словесности, Кэрролл становился легкомысленным, беспечным, «совершенно беспринципным и, как сейчас говорят, отвязным. ...Веселый задор математика». Делая скачок в начало XXI века, Кругосветов обращается к другому ученому и писателю, еще одному любите-

лю нонсенсов и парадоксов Умберто Эко и приводит в систему структуру Академии ненужных наук (Академии сравнительных ненужностей), по его мысли, изложенную У. Эко в «Маятнике Фуко», весьма сумбурно. Вторая часть книги, «Птицы», — отклики на актуальные события современности: «Пусси райот»; смерть Березовского, ставшего жертвой собственной гордыни; агрессивность СМИ; уроки Украины... И размышления о мире, в котором мы живем, — мире денег и материальной выгоды. И о неписанных законах России, где дилемма: либо жди без конца решения любого вопроса, либо «заинтересуй» — превращается в свободу выбора для каждого. И размышления: бывает ли абсолютная свобода и совместима ли она с безопасностью? Саша Кругосветов резко против насаждения «новой культуры» гомосексуализма. Он вполне толерантен: пусть делают что хотят на своих территориях, но не втягивают в свои игры здоровых людей, не готовят Содом и Гоморру для детей. «Консерватизма хочется. Традиционных ценностей. Забыли, что это? Семья. Дети. Мир. Доброта. Веротерпимость. Доброжелательность. Помощь друг другу. Милосердие. Честность. Любовь. И есть это в нашей жизни». Люди должны защищать себя, считает автор. И задается вопросом: не вправе ли «консерваторы и мракобесы» требовать толерантности от либеральных «модераторов»? «Либералы и модераторы. Проявите ко мне вашу хваленую толерантность. А если не хотите, может, вы и есть настоящие мракобесы». «Мракобес» и «консерватор» С. Кругосветов выступает как защитник традиционных ценностей. Свои публицистические заметки он дополняет промежуточными метафорическими зарисовками, в основе которых лежит сюжет знаменитой комедии Аристофана «Птицы». По мнению автора вступительной статьи к книге М. Замшева, «Кругосветов открыл новый жанр, который можно назвать „метафорической публицистикой“».

Евгений Костин. Понять Россию. Книга о свойствах русского ума: доказательство от литературы. СПб.: Алетей, 2016. — 332 с.

В книге живущего в Вильнюсе доктора филологических наук, автора многочисленных работ по истории ставятся вопросы, не теряющие своей актуальности в последние столетия: почему Россия не Европа и нужно ли быть ею? Где корни глубинных ментальных различий между Россией и Западом в восприятии жизни? Какую роль играют склад русского ума, особенности русского религиозного сознания, бытовой психологии? И как эти ментальные различия обнаруживаются в культуре и более откровенно — в литературе? В своем анализе автор опирается на исходные формы «русского ума и психологии» (эпистему), глубоко запрятанные в самом русском языке. Так, русский язык ориентирован на познание, стремящееся не к ясности и определенности, а к сложнодвойственному, многосмысленному пониманию языка. Предпочтения в нем связаны с исключительно широко представленной эмоциональной и чувственной стороной восприятия мира, эмоциям уделяется гораздо больше внимания, чем, например, в английском. Свидетельство: разнообразные формы уменьшительных, ласкательных прилагательных с суффиксом «еньк». Ряд слов, выражающих ментальные свойства и состояния, просто не переводим в полном объеме и адекватно на другие языки: душа, тоска, правда, истина, воля, совесть, честь, грех... Русское языковое сознание неразрывно связано с национально определенным способом восприятия и отображения действительности, «русской художественной эпистемы», являющейся главным предметом интереса автора.

Эта эпистема, по мысли Е. Костина, характерна еще и тем, что чрезвычайно быстро восходит от простого, очевидного в восприятии мира к сложному, метафизическому. «Соединение светского и божественного, обыденного и возвышенного, земного и небесного — характерно для русского художественного сознания. От этого так легко в текстах развитой русской литературы совершается переход от публицистики к проповеди, от очерковости к сложной символике, происходит смешение жанров, смыкание разных смысловых пластов. Это все то, что неимоверно раздражало западных критиков русской литературы, которые искали, но не находили похожести на свои тексты, обнаруживали всякого рода неправильности, несурзности, композиционные и иные нестыковки, что собственно и составляет своеобразие и прелесть русской литературы в художественном отношении». На многочисленных примерах автор доказывает, что в русской культуре соотношение субъекта и мира имеет отличный от западного варианта характер. В книгу включены работы разных лет, в неожиданных ракурсах и параллелях представлены художественные и философские миры Ф. Достоевского и М. Шолохова, Ф. Тютчева и И. Бродского, А. Пушкина, Л. Толстого, М. Булгакова, И. Бунина, А. Платонова. Один из разделов, «О трагической неупорядоченности бытия», посвящен трагизму, присущему русской цивилизации. «Этот трагизм неотделим от прямого и честного взгляда на реальность и никогда не успокоится на каких-либо легковесных версиях бытия, которые можно обнаружить в других культурах. Такой трагизм дал в явлениях Достоевского, Толстого, Шолохова примеры мирового уровня осознания трагических конфликтов в действительности». При рассмотрении разных аспектов уникальной русской литературы и культуры взгляд исследователя всегда направлен на главные смыслы этой литературы, на поиск в русской литературе не только красот в художественном, эстетическом смысле, но прежде всего отражения моральной и интеллектуальной стороны существования целого народа, создавшего поразительно богатый и неповторимый во всей мировой палитре язык. Подробно рассмотрены и теоретические построения М. Фуко и М. Хайдеггера, М. Бахтина и А. Лосева. С. Аверинцева и Л. Карсавина. В последний раздел книги «Розановское. Заметки о современном» включены высказывания автора по актуальным вопросам жизни современной России и о современном состоянии культуры в духе Василия Розанова. Так, размышляя о характере русских в сравнении с европейцами, Е. Костин пишет: «Русские, по сути, не умеют ненавидеть, — даже немцев после Второй мировой войны они простили за очень короткий срок, когда кровь на полях брани еще не высохла и города еще не были отстроены... Россию не и простили, по существу, — даже не за ее победу в последней войне, которая (победа) была психологически невыносима для мессианского западного сознания, а именно за „забывчивость“, за прощение. Запад хорошо усвоил уроки Достоевского — новая волна неприятия к России как раз обнаружились на их европейской (англосаксонской) площадке отторжения, раздражительности — этим русским великодушием, прощением в историческом разрезе». Сознвая, что под воздействием процессов глобализации и появления иных форм передачи информации многое меняется в душе и состоянии русского народа, автор тем не менее убежден, что наше великое прошлое и наша культура, удержавшие русское общество от распада во времена ментальных и мировоззренческих сломов 90-х годов, способны определить и будущее России. «Русский народ должен знать, для чего он живет. Не для копейки только, не для усаждения живота своего. Россия должна понимать, что у нее всегда должна быть сверхцель в некотором планетарном масштабе. Об этом вся наша культура, вся наша ментальная природа, заставляющая жить по правде, а не корысти ради. Но не стоит убеждать кого-либо в благотворности и правильности подоб-

ного рода идей, для себя самих необходимо это делать, а там, вполне вероятно, это станет притягательным и для других народов и государств».

Судебный отчет по делу антисоветского правотроцкистского блока.

С предисловием Николая Старикова. СПб.: Питер, 2015. — 448 с.: ил. — (Серия «Николай Стариков рекомендует прочитать»).

Стенограммы судебных отчетов состоявшихся в 1936—1938 годах больших, открытых процессов над высшими деятелями ВКП(б) сразу же по окончании процессов публиковались в СССР стотысячным тиражом. В 50-е годы прошлого века они стали библиографической редкостью: большинство книг было уничтожено при Хрущеве. Отсюда — масса недомолвок, сомнений, версий, предположений. В том числе версия, что дела эти сфабрикованы по воле Сталина. По третьему процессу (март 1938), по делу антисоветского правотроцкистского блока проходил 21 человек. Основные обвиняемые: Н. Бухарин, один из виднейших большевиков, личный друг Сталина, называвший его на «ты» и «Коба», главный партийный идеолог газеты «Правда», в разное время занимал множество высоких должностей; А. Рыков — один из старейших членов ЦК партии, член Политбюро, с 1918 года он руководил Высшим советом народного хозяйства, был председателем Совнаркома СССР и РСФСР, наркомом связи; руководитель НКВД Г. Ягода, возглавивший органы за четыре месяца до убийства Кирова; Х. Раковский — болгарин по национальности, активный участник революционных движений в России, Болгарии и Румынии, после революции — Председатель Временного рабоче-крестьянского правительства Украины, глава ЧК Украины, в 1923 году — полпред (посол) в Англии, потом во Франции. И еще немало крупных советских деятелей, занимавших высокие посты, имевших и немалые организационные таланты, и большие возможности влиять на экономическую и политическую жизнь страны. Обвиняемым инкриминировалось то, что они «по заданию разведок враждебных к Советскому Союзу иностранных государств составили заговорщическую группу под названием „правотроцкистский блок“, поставившую своей целью шпионаж в пользу иностранных государств, вредительство, диверсии, террор, подрыв военной мощи СССР, провокацию военного нападения этих государств на СССР, расчленение СССР и отрыв от него Украины, Белоруссии, Средне-Азиатских республик, Грузии, Армении, Азербайджана, Приморья на Дальнем Востоке — в пользу упомянутых иностранных государств, наконец, свержение в СССР существующего социалистического общественного и государственного строя и восстановление капитализма, восстановление власти буржуазии». Среди обвиняемых были также и секретарь Горького (и сотрудник ОГПУ) П. Крючков, врачи Л. Левин, И. Казаков, Д. Плетнев, им вменялось в вину доведение до смерти «путем применения неправильных методов лечения» Максима Горького и его сына, а также В. Куйбышева и В. Менжинского. Стенограммы многочасовых допросов дают представление о характерах обвиняемых, мотивах их действий, их связях между собой и с тем, кто стоял за многими событиями — Л. Троцким. У каждого из обвиняемых своя длинная биография, она и время, в которое они жили, проясняют логику их поступков: террор и диверсии являлись привычными методами борьбы с дореволюционных времен; всевозможные блоки и союзы были традиционной практикой партийной жизни (яркий пример — Брестский мир, о котором речь идет на процессе); связи с зарубежными

разведками в период проживания до революции за границей рассматривались как естественный источник финансирования для нелегальной борьбы с царизмом, — эти связи никогда не прерывались и позже. Для захвата власти все средства были хороши, в том числе и передача Украины — немцам, Приморья — японцам, Белоруссии — полякам, Узбекистана — англичанам. В обмен на «инвестиции» и за поддержку в свержении Советской власти. Вот одно из признаний Г. Ягоды: «Одно обстоятельство, происшедшее в начале 1933 года, внесло серьезные коррективы в наш план. Я говорю о приходе к власти в Германии фашистов. Если до этого времени основная установка правых зиждилась на идее „дворцового переворота“ собственными силами, то, начиная с 1933 года, была взята ориентация на фашистскую организацию. ...Когда речь шла о так называемом „дворцовом перевороте“, то имелось в виду арестовать, свергнуть руководство Советской власти, партии и, свергнув Советскую власть, восстановить капиталистические отношения в стране, — то, чего Бухарин в течение его допроса не имел смелости заявить ясно и точно. Ставили ли мы задачу свержения Советской власти? Я на этот вопрос отвечаю положительно. Какой общественный политический строй мы восстановили бы в стране после свержения Советской власти? Я и на этот вопрос отвечаю прямо — капиталистический строй». Другие времена, другие нравы, масса поразительных деталей — и немало параллелей с днем сегодняшним. В борьбе элит, в борьбе идей, в борьбе амбиций обвиняемые проиграли еще и потому, что, по их собственному признанию, несмотря на попытки организовать массовые выступления в стране, поддержки со стороны населения не нашли. Большинство подсудимых приговорили к расстрелу. Крестинский, Икрамов, Ходжаев, Зеленский реабилитированы в 1963 году, после XXII съезда КПСС. Остальные осужденные на Третьем Московском процессе, кроме Ягоды, реабилитированы в 1988 году, так как «в связи с грубыми нарушениями закона на предварительном следствии и в процессе судебного разбирательства показания обвиняемых не могут быть положены в основу вывода об их виновности. Других же достоверных доказательств совершения ими особо опасных государственных преступлений в деле не содержится». Но показания так красноречивы...

**Владимир Марков. Тюркский след в истории Украины X—XVII веков.
СПб.: ЕВРАЗИЯ, 2016. — 382 с.**

Со времени гуннского вторжения в Северное Причерноморье в 370-е годы более тысячи лет предки современных украинцев находились в близком соседстве с тюркскими кочевниками, что не могло не оставить след в их языке, культуре и облике. Например, «Чорни брови, кари очи», воспетые в этнографических украинских песнях. Владимир Марков, вслед за другим историком Украины П. Толочко, полагает, что это несомненный результат участия тюркоязычных племен в формировании южнорусского этноса. И сегодня современные украинцы не только иногда выглядят как типичные представители тюркских народов, но, не подозревая об этом, употребляют тюркские слова, живут в населенных пунктах с тюркскими названиями, носят тюркские фамилии. Возможно, что и название Киев имеет тюркско-хазарскую этимологию. В своей работе В. Марков обобщает сведения о тюркском присутствии на территории современной Украины. Среди источников и археологические данные, и антропологические характеристики, и русские летописи, западноевропейские и византийские хроники, труды мусульманских историков и путешественни-

ков. Кажется, исследователь не пропустил ни одно свидетельство современников далеких событий. Библиография к этой работе занимает более ста страниц. Уже в эпоху Великого переселения народов миграционные потоки проходили через территорию северных причерноморских земель, Приднестровья, шли далее в Европу, в Паннонию — на Балканы, территорию современных Венгрии, Восточной Австрии, Словакии. Гунны, авары, хазары, волжские булгары, печенеги сменяли друг друга. В IX веке печенеги значительно потеснили славянские племена тиверцов и уличей, пришедших на земли Северного Причерноморья одновременно с гуннами. Со второй половины XI века в Северном Причерноморье утвердились половцы. Этнические общности смешивались, модифицировались, взаимопроникали, не прекращались ассимиляционные процессы. Появлялись государственные образования: Хазарский каганат, Русский каганат, древнерусское Киевское княжество. Древнерусские князья и феодалы охотно привлекали на службу тюркских кочевников (они же «черные клобуки»), этот союз нашел отражение в летописи: «вся земля Роуская и черные клобуци». Новый этап в истории Северного Причерноморья начался с приходом монгольских завоевателей, попавших в древнерусские, европейские и восточные хроники под именем «татар», хотя татары были всего лишь одним из кочевых народов, покоренных монголами. Владычеству Золотой Орды положил конец Тимур: в конце 1380-х годов он уничтожил все ордынские города на территории современной Украины. Упадок Орды довершили повальный мор и падеж скота, ордынские междоусобицы. Тюркские кочевники переходили к оседлости, охотно переселялись в Литву, Польшу, Киевщину, к румийцам и русским. В. Марков очень конкретен. Поэтапно, по территориям он рассматривает «смену декораций»: экономическая, хозяйственная, военная деятельность племен и народов, их союзы и переходящие в вооруженные столкновения конфликты. Проследивает перемещения этнических сообществ и групп, причины, их вызывавшие. Подвергает разбору сложные государственно-политические, военные, дипломатические хитросплетения, многолетние и краткосрочные коалиции и их распад, поведение ведущих «игроков» на «северочерноморском поле», сложные конфигурации, где союзники и враги менялись ролями. И если во времена Золотой Орды на этом «поле» играли литовцы, поляки, крымские и заволжские татары, венгры, турки, ордынцы, русские княжества, то в XVI—XVII веках конфигурация изменилась немного, все те же Речь Посполита (объединявшая Литву и Польшу), Крым, Турция, Московия (по версии автора, не самый главный игрок на северопричерноморской арене). И именно среди этих сильных соседей искали покровителей, как в калейдоскопе, сменявшие друг друга главы Войска Запорожского, Гетманщины. Не прояснен один вопрос. Автор пишет: «Опустевшие лесостепные пространства правого и левого берегов Днепра опять начали постепенно заселяться украинцами в последних десятилетиях XVI века, когда натиск крымских набегов существенно ослаб. А уже в первой половине XVII века украинская колонизация буквально захлестнула эти территории, сопровождаясь здесь бурным ростом численности населения. Все это вызвало небывалый подъем пассионарности, получивший выход в феномене запорожского казачества и в череде массовых антипольских восстаний. Эти восстания, за редкими исключениями, заканчивались поражениями, однако украинцы, несмотря на понесенные потери, поднимали их вновь и вновь. По сути, прежние золотоордынские владения в украинской лесостепи по обе стороны Днепра стали территорией консолидации молодого украинского этноса. Апогеем этого процесса стало восстание Богдана Хмельницкого, в результате которого появилось самостоятельное украинское государство, известное в историографии как „Гетманщина“». Но кем же были эти украинцы, откуда они пришли? Впрочем, в задачу В. Маркова входило просле-

дить именно тюркский след в истории Украины. И его он обнаруживает всюду. Золотоордынские некрополи в Полтавской и Сумской областях, на острове Хортица в Запорожской области, в окрестностях Харькова. Археологические, не всегда исследованные объекты золотоордынского периода в степи и лесостепи Днестра и Дона. Городища в Приднепровье. Названия городов и сел. Вооружение, военное дело, государственные символы, одежда, прически, еда. Один из разделов книги посвящен тюркскому влиянию на поляков, литовцев, запорожских козаков. В 1579 году польский король Стефан Баторий писал крымскому хану, что запорожские козаки — это «сброд из всяких народов... и притом часто сами турки и татары к ним присоединяются». В объемных приложениях приводятся украинские тюркизмы, отсутствующие в русском языке, украинские топонимы и фамилии восточного происхождения с необходимыми пояснениями.

Публикация подготовлена
Еленой ЗИНОВЬЕВОЙ

*Редакция благодарит за предоставленные книги
Санкт-Петербургский Дом книги (Дом Зингера)
(Санкт-Петербург, Невский пр., 28, т. 448-23-55, www.spbdk.ru)*